

Глава двенадцатая

Ростовщики, жмоты, транжиры и долговая тюрьма у Бальзака

Гюстав Флобер заметил об Оноре де Бальзаке: “Какая озабоченность деньгами и как мало любви к искусству!” Легко ему, рантье, было рассуждать о деньгах и искусстве. А Бальзак мечтал пойти по стопам Вольтера, который “видел столько нищенствующих литераторов”, что не захотел “приумножить их число”, стал успешен в коммерческих делах и к концу жизни жил как знатный человек.

Три ранних коммерческих предприятия Бальзака (книжное издательство, типография, газета) обанкротились, писатель остался с долгами на 90 тыс. франков (сейчас это было бы около €200 тыс.). Несмотря на это, идеям не было конца: прознав, где якобы пройдет железная дорога Париж — Версаль, он скупает земельные участки, затем его захватывает идея вложиться в серебряные копи на Сардинии...

Да и на себе он не экономил. К роскоши Бальзак прикипел под влиянием финансового партнера и любовницы мадам де Берни, которая была старше его на 22 года. Она будоражила воображение писателя воспоминаниями о дворе маркизы де Помпадур, где ее отец был арфистом, а мать — придворной дамой. Похоже, отсюда такая любовь Бальзака к аристократической эlegantности.

Стефан Цвейг в биографии Бальзака сообщает, что в 1836 году сумма долгов писателя дошла до 140 тыс. франков, ему приходилось одалживать на обед у портного и врача, но “неутомимый расточитель” вдобавок к своей знаменитой трости за 600 франков заказал еще одну, с набалдашником из носорожьей кости. А заодно прикупил золотой ножик за 190 франков, кошелечек за 110 и цепочку за 420 франков — аксессуары, которые “приличествуют кокотке”.

В одном из писем Бальзак пишет Эвелине Ганской, своей “супруге по любви”, что кроме квартиры снял еще мансарду, где проводит дни и ночи в полном уединении. На самом деле мансарда была роскошными апартаментами, на украшение которых отшельник денег не жалел: обстановкой занимался дорогой обойщик, слуга получил “лазоревую, с алым жилетом” новую ливрею, за которую Бальзак остался должен 368 франков.

Оноре де Бальзак не знает, как спрятаться от кредиторов. Он снимает квартиру с потайной лестницей, чтобы скрыться, если судебному исполнителю или докучливому кредитору удастся прорваться через главный вход. Квартира арендована на имя некой вдовы Дюран. Привратнику, пускающему посетителей в дом, нужно сказать: “Начали созреть сливы”. Надежному слуге, ожидающему наверху, шепнуть: “Я принес бельгийские кружева”. Но увидит Оноре только тот, кто у самых дверей произнесет: “Госпожа Бертран в добром здравье”.

Как отмечает Цвейг, все трюки, о которых Бальзак пишет в романах, — векселя с несколькими передаточными подписями, уловки, чтобы избежать вызова в суд (“сделаться недостижимым для почты”) или добиться его отсрочки, другие хитрости — были освоены самим писателем. Он дотошно изучил законы, был изобретателен и отчаянно смел. У издателей, ростовщиков, банкиров — у всех имелись его векселя. Не было ни одного судебного исполнителя в Париже, оставшегося без

поручения описать имущество Бальзака, но ни одному не удалось встретиться с ним, а тем паче добиться денег.

Когда кредиторы стали настаивать на аресте Оноре де Бальзака, какое-то время он скрывался в Италии, но вот вернулся в Париж, и его тут же нашли в доме возлюбленной — графини Висконти. Кредиторы были неумолимы: тюрьма или немедленное погашение задолженности. Не очень богатая графиня покрыла самые неотложные долги. Некоторое время Бальзак крутился сам, потом ему начала помогать овдовевшая Эвелина Ганская. Бальзак пытался увлечь ее то изданием энциклопедии — “какие-то” 100 тыс. франков должны были принести колоссальную прибыль, то импортом древесины из России (имение Ганской, в котором бывал Бальзак, находилось на Волини — северо-западе современной Украины) — на этом он собирался заработать миллион. Ганская давала писателю “взаймы” огромные суммы. Бальзак женился на ней — в основном ради покрытия долгов.

В “Евгении Гранде” (1834) французский жмот хуже нашего Плюшкина: папаша Гранде не дает жене и дочери истратить лишний сантим на самое необходимое, хотя он богат. Когда в гости приезжает его племянник, женщинам приходится тайком покупать кусочек масла — стол, накрытый для завтрака, неприлично скуден. Папаша Гранде устроен гораздо примитивнее, нежели скупой рыцарь Пушкина. Тот, по мнению его сына, тоже служит деньгам, как “алжирский раб, как пес цепной”. Живет “в нетопленной конуре, пьет воду, ест сухие корки”. Это о таком герое писал Элиас Канетти в своем эссе “Инфляция и масса” (в книге “Масса и власть”, 1962): “Не подлежит сомнению, что люди, живущие только ради денег, воспринимают сокровище как замену человеческой массы.

Об этом свидетельствует множество историй об одиноких скупцах: они выступают в роли сказочных драконов, сторожащих сокровище, что составляет единственный смысл и содержание их жизни”.

Однако пушкинский барон, задаваясь вопросом “Что не подвластно мне?”, сам себе отвечает, что он-то ничему не послушен, а ему послушно все, и он может править миром: стоит ему захотеть, “сбегутся нимфы”, “музы принесут дань” и “поработится вольный гений”.

У Гранде таких амбиций нет, он просто паталогический жмот и в этом отношении ближе к гоголевскому Плюшкину. Папаша Гранде умирает, его дочь наследует колоссальное состояние. И — ничего не меняется. Она живет почти так же скромно, как раньше, а деньги тратит на благотворительность. Евгении передались способности отца вести дела, так что капитал она уже не растеряет.

Главного героя повести “Гобсек” (1830) полагают образцом скупердйства. Да, он любит деньги: “Вот поживете с мое, узнаете, что из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото. В золоте сосредоточены все силы человечества”. Однако Гобсек, за исключением его соседа Дервиля, молодого поверенного, — единственный положительный герой повести. Он философ в душе и дает своеобразные уроки должникам согласно своему мировоззрению: в одном пышно декорированном доме спускается по лестнице к выходу, следя грязными подошвами на ковре, устилающем мраморные ступени, и говорит, что любит “пачкать грязными башмаками ковры у богатых людей — не из мелкого самолюбия, а чтобы дать почувствовать когтистую лапу Неотвратимости”.

Гобсеку интересна “тайная цена векселя”: “Что тут скрывается: глупость, опрометчивость, любовь или сострадание?” Он понимает, что ни один человек, “если у него еще есть хоть

самый малый кредит в банке”, не придет в его лавочку — это “изобличает отчаяние, тщетные поиски ссуды у всех банкиров и надвигающийся крах”. Он видит у себя “только затравленных оленей, за которыми гонится целая свора заимодавцев”.

Жизненный опыт (герою за восемьдесят) сделал его прозорливым. Уходя от графини, не погасившей вексель и заложившей ему бриллиант, Гобсек встречает молодого щеголя и читает на его лице “всю будущность графини”: “Этот белокурый красавчик, холодный, бездушный игрок, разорится сам, разорит ее, разорит ее мужа, разорит детей, промотав их наследство, да и в других салонах учинит разгром почище, чем артиллерийская батарея в неприятельских войсках”.

Гобсек вершит социальную справедливость, как он ее понимает. К тем, кто в долгах как в шелках по причине мотовства, он не испытывает сострадания и дает им деньги лишь под грабительские проценты: “Я беру за кредит по-разному, самое меньшее — пятьдесят процентов, сто, двести, а когда и пятьсот”. А поверенному на выкуп конторы разорившегося патрона Гобсек готов ссудить под 12–15 % годовых при условии, что тот будет вести скромный образ жизни: “Смотрите не роскошествуйте, а то лишитесь моего доверия. Не вздумайте поставить дом на широкую ногу. Наймите старуху-кухарку, вот и вся прислуга”. Когда Дервиль вернет ссуду, выяснится, что Гобсек мог обойтись и без довольно высоких процентов, но назначил их из благих побуждений — избавил должника от необходимости выражать признательность. Гобсеку незачем лукавить — его состояние завещано поверенному.

Мужу светской дамы, спустившей свои богатства из-за любовника-игрока, Гобсек помогает сохранить свой капитал и имущество для детей. Это не так просто: если граф умрет первым, все наследует графиня, а она гораздо моложе. Гобсек советует мужу: “Бросьтесь в омут светских удовольствий, играйте для виду в карты, проматывайте деньги да почаще прихо-

дите к Гобсеку. В светских кругах будут называть меня жидом, эфиопом, ростовщиком, грабителем, говорить, что я разоряю вас. Мне наплевать! Ваш покорный слуга прекрасно стреляет из пистолета и владеет шпагой. Это всем известно”.

Гобсек предлагает найти надежного человека и путем фиктивной сделки передать ему все имущество. Граф следует совету и выбирает самого Гобсека. Составляется акт передачи и оформляется встречная расписка, согласно которой передача состояния является фиктивной, а Гобсек обязуется вернуть его старшему сыну графа по достижении им совершеннолетия. Волею обстоятельств эта схема приводит к тому, что Гобсек, будь на то его воля, может присвоить все богатства скончавшегося графа. Ростовщик разводит бурную деятельность по управлению имуществом и на старости лет позволяет себе чуть-чуть шикануть: сдал особняк графа в аренду, “лето проводил по-барски в его поместьях, держал себя там хозяином, строил фермы, чинил мельницы и дороги, сажал деревья”. Однако, как только наступает оговоренное время, Гобсек отдает наследство законному владельцу. Поверенный и граф — единственные, кто вызывает участие Гобсека, потому что только они доверились ему “безо всяких хитростей”. Автору повести ростовщик симпатичен явно больше, чем его “жертвы”.

Гобсеку наверняка бы понравился рассказ Роберта Шекли “Кое-что задаром” (1954), в котором главный герой обнаруживает машину, исполняющую желания. Он хочет намного больше, чем героиня “Сказки о рыбаке и рыбке”, и все желания до поры до времени исполняются. А конец примерно тот же. Оказывается, что желания исполнялись в кредит. Как только герой заказывает бессмертие и это желание исполняется, на-

ступает день платить по счетам. Герой попадает в каменоломни, в которых в течение миллионов лет он должен отработать свои долги. “Трудно только первые тысячу лет”, — ободряет его та- кой же горемыка, попавший сюда много раньше.

Транжирам в повести “Гобсек” удастся поправить свои дела. Просто для тотального разорения “праздного класса” еще не наступило время. Им на смену придет госпожа Бовари (одноименный роман 1856 года), которая, заеда депрессию шопоголизмом, промотает все деньги мужа. Жан Поль Сартр в фундаментальном исследовании творчества Гюстава Флобера “Идиот в семье: Г. Флобер от 1821 до 1857” (1971–1972) писал: “В «Госпоже Бовари» мы должны и можем увидеть движение земельной ренты, эволюцию восходящих классов, медленное созревание пролетариата — здесь есть все”. Медленное созревание пролетариата — это в том числе и о Берте, дочери мадам Бовари. Ей уже выкрутиться не удалось. Оставшись по вине матери без средств к существованию, девочка, выросшая в образованной и состоятельной семье, идет на прядильную фабрику, где ее ждет рабочий день продолжительностью 13,5–15 часов с тремя получасовыми перерывами на еду.

Законодательство Франции о банкротстве времен творческой активности Бальзака (1820–1840-е годы) было либеральнее английского — юрилицу разрешалась “ликвидация”. Это похоже на банкротство в его нынешнем виде: компания распродает все свое имущество, выплачивает кредиторам сколько может и выходит из процедуры свободной от долгов. Карман собственников не страдает, ведь на их личное имущество взыскание долгов компании обращено быть не может.

Но даже легальный уход от долгов перед кредиторами еще не считается социально приемлемым, а многим пред-

принимателям этого не позволяет честь. Отец объясняет Евгении Гранде, что оказаться банкротом — “это значит совершить самое позорное из всех деяний”, что банкротство — “это кража, которой закон, к сожалению, мирволит”, что “разбойник с большой дороги — и тот лучше несостоятельного должника: грабитель на вас нападает, вы можете защищаться, он хоть рискует головой...” Правда, автор оговаривается, что господин Гранде чересчур категоричен, намеренно умалчивает о разнице между банкротством неумышленным и злым. Но позорным банкротство считает и сам банкрот — его брат Гильом, из-за которого и начался разговор: он совершил тщательно спланированное самоубийство.

Рафаэль из “Шагреновой кожи” (1831) продает свои земли, чтобы спасти от позора отца, состояние которого расстроено. Поверенный Рафаэля, рассуждая с точки зрения закона, считает поступок клиента глупостью, но для героя слезы, которые он увидел на глазах у отца, становятся “прекраснейшим из богатств”.

Все тонкости банкротства описаны в повести “История величия и падения Цезаря Бирото” (1837). В этой настольной книге юристов того времени речь идет о выборе между ликвидацией, то есть потерей чести, но спасением остатков личного имущества, и выплатой долга сполна, а значит, нищетой и голодной старостью.

Бирото держит одну из самых знаменитых парфюмерных лавок Парижа. Его “Королева роз” расположена на улице Сент-Оноре, неподалеку от Вандомской площади. Цезарь сам разрабатывает рецепты духов и производит их. Он и его жена, которая стоит за конторкой, трудятся не покладая рук, семья живет скромно, откладывает. Удачный продукт делает Бирото поставщиком королевского двора, а “Двойной крем султанши” и “Жидкий кармин”, ставшие хитами продаж, позволяют скопить 100 тыс. франков. Можно уйти на покой, купить

имение — “леса, луга и виноградники” — и небольшую ренту, но вмешиваются обстоятельства.

Цезарь “сражался против Наполеона на ступенях церкви Святого Роха”, был ранен, и во время Реставрации, когда к власти пришли роялисты, ему жалуют орден Почетного легиона. Тем более что он поставляет королю пудру, “которую тот благоволит употреблять”, и один знает “рецепт пудры покойной королевы”. Репутацию уважаемого жителя города среди прочего создала “привычка ни у кого не занимать денег, не прибегать к векселям”. Цезаря избирают членом коммерческого суда и помощником мэра. Он входит во вкус и видит впереди политическую карьеру, рассчитывает стать депутатом, “недаром его зовут Цезарь”.

Лавочник теперь общается со знатью. Его переполняет гордость за новый статус, он собирается дать бал и пригласить верхушку города, а для этого нужно расширить и отделать квартиру. Модный архитектор обещает “великолепную лестницу с верхним светом” и “красивый парадный подъезд”, подрядчик по малярным работам предлагает украсить гостиную позолотой: “Купечество должно блистать. Не давайте аристократам подавлять себя”. Нужно еще “раздобыть серебро, хрусталь, посуду, слуг”.

Мнимые друзья Цезаря, охотясь за его деньгами, вовлекают его в аферу — спекуляцию земельными участками в Париже. Участки якобы достаются “за четверть той цены, какой они достигнут через три года”, партнеры обещают выручить за них миллион, тогда можно будет “с божьей помощью скромно вступить на путь величия”. Чтобы оплатить свою долю в деле, 300 тыс. франков, Бирото закладывает землю в провинции и выдает векселя на 140 тыс. Дело, разумеется, лопается — партнеры нечистоплотны. К тому же со всеми деньгами сбегает промотавшийся нотариус Цезаря (в те времена нотариусы брали на себя еще и хранение сбережений клиен-

тов). Оказывается, он успел заложить участки Цезаря и прикарманить и эти деньги тоже. Кроме того, Цезарь набрал товарных кредитов для развития бизнеса — открывает филиал лавки под управлением жениха дочери, сделавшись его компаньоном.

Разорения Цезаря Бирото ждут все. Бал окончен — в прямом и переносном смысле. Начинают поступать счета — от архитектора, подрядчика по малярным работам, обслуживавшей бал кейтеринговой компании, поставщика мороженого, оркестра, игравшего у Бирото всю ночь... Всего на 60 тыс. франков. Цезарю угрожает банкротство по неосмотрительности и арест, поскольку его траты могут признать чрезмерными.

Единственный шанс — учесть векселя жениха дочери, но эта операция крайне невыгодна, сделать это готов только появившийся в эпизоде Гобсек, и он требует 50%. Это такой же банкир, “как парижский палач — лекарь”, он предложит вам “канареек, чучело удава, меха летом и кисею зимой”, а чтобы он “принял вексель за одной только вашей подписью, вам придется заложить ему жену и дочь, самого себя — словом, решительно все, вплоть до картонки для шляп, зонтика и калош... вплоть до каминных щипцов, совка для углей и дров из вашего сарая”.

Цезарю вот-вот придется просить об отсрочке векселя — это первый шаг к банкротству, потому как “тайна ваших затруднений и вашей неплатежеспособности становится известна всем”. Скоро дойдет “до позорного баланса, в котором не останется активов”. Управляющий домом требует сделать на векселе пометку “за наем помещения”, которая дает преимущественное право на получение долга.

Бирото стоит перед выбором. Можно объявить о закрытии бизнеса. “Ликвидируй дело, раздай все кредиторам и не показывайся больше на бирже”, — советуют ему. В этом случае придется “постоянно краснеть перед людьми, которых он ввел в большие убытки, сносить их недоверчивые взгляды

и молчаливые упреки”, все будут думать, что Цезарь припрятал денежки, но должник будет свободен от обязательств. Второй вариант — банкротство, что может означать пожизненную, до полного расчета с кредиторами, выплату долгов. Это тяжело, но тебя будут уважать, можно попытаться договориться с кредиторами о сохранении дела, если вся прибыль, “за вычетом скудных сумм на прокорм семьи”, пойдет в уплату долга. Из ликвидации так же трудно выйти незапятнанным, как из банкротства — богатым, и крупные коммерсанты к последнему не прибегают. Однако Цезарь Бирото выбирает второй путь.

К торговке, продавшей Цезарю сырье, возвращаются его векселя, которыми она расплатилась. Их предъявляют к взысканию, а передаточная надпись на векселях — ее. Это поручительство. Если нельзя получить деньги с выписавшего вексель, обращаются к поручителю. Торговка выговаривает Бирото, но в ответ слышит совсем не то, что ожидает: “Я полностью уплачу вам со временем, хотя бы мне пришлось для этого уморить себя на работе, стать чернорабочим или носильщиком на рынке”. Все члены семьи подыскивают себе работу. Дочь за приличные деньги устраивается в богатую фирму модных новинок. Жена за великодушное жалованье поступает приказчицей к жениху дочери. Сам Цезарь после достижения соглашения с кредиторами зачислен на службу в комиссию погашения госдолга, тоже с хорошим окладом.

Бальзак в деталях, с дотошностью, присущей учебнику коммерческого права, рассказывает о процедуре. Суд назначает присяжного попечителя, который должен и “охранять банкрота от притеснений разъяренных заимодавцев”, и соблюдать интересы кредиторов, однако в девяти случаях из десяти попечитель держит сторону банкрота. На собраниях кредиторов одинаковое право голоса имеют давшие и 50 франков, и 50 тыс. “Самое заурадное ухищрение” для достижения согла-

шения состоит в том, что “должник предлагает части кредиторам, образующей требуемое законом большинство, некую добавочную мзду”. Другой распространенный способ мошенничества — создание фиктивных кредиторов: уменьшив, таким образом, долю кредиторов настоящих, “банкрот сколачивает себе средства на будущее и в то же время обеспечивает необходимое для соглашения количество голосов”. Кредиторы-хитрецы скупают у простаков векселя банкротства за половину цены при окончательной ликвидации.

Поначалу кредиторы Цезаря Бирото настроены враждебно. Часть выступает за уголовное преследование — основание дает стоимость бала. Управляющий домом даже требует ареста мебели, хотя за квартиру полностью уплачено. Но Бирото выходит из конфликта победителем. С грехом пополам реализованы земельные участки, доля в фирме жениха дочери выкуплена женихом, нашелся покупатель на “Королеву роз” — она ушла “вместе с контрактом на помещение, обстановкой, товарами, патентами, а также арендой на двадцать лет фабрики с оборудованием в собственности”, некоторые суммы причитаются Бирото после ликвидации конторы его нотариуса. Кредиторы получают больше половины требуемого.

Вместо мошеннического банкротства Париж увидел банкротство добродетельное, и дело чуть не дошло до оваций на собрании кредиторов, которые, “свалив Цезаря, искренне его теперь жалели. Каждый знал, как достойно держал себя парфюмер, в каком порядке нашли его книги, как честно он вел дела”. В лавке Цезаря было все, чем он владел, вплоть до булавки для галстука, золотых пряжек, карманных часов. Жена оставила там скромный ларчик с драгоценностями. “Купечество было глубоко поражено столь трогательной покорностью закону”.

Цезарю Бирото снова открывают кредит. Он может не платить по оставшимся долгам — процедура банкротства завершена, но решает рассчитаться сполна. Вся семья работает, по-

степенно накапливаются небольшие деньги, король, видя такое рвение, жертвует 6 тыс. Бирото идет к торговке, и та, пораженная, выдает расписку, отказываясь от денег: “Тетка Маду — горласта, тетка Маду — порох, но в груди у нее кое-что бьется!” Как по волшебству собирается оставшаяся сумма, Цезарь наконец свободен от долгов, дочь его выходит замуж, а зять в качестве сюрприза снимает его старую квартиру. И снова бал — свадьба. Бирото умирает прямо там — сердце не выдерживает. “Вот смерть праведника”, — констатирует затесавшийся среди гостей аббат.

Поразительно, насколько финал повести Бальзака перекликается с сюжетом автобиографического романа Джордж Элиот “Мельница на Флоссе” (1860), где речь идет о 1810–1820-х и, конечно, об Англии. В ней объявляет себя банкротом мистер Талливер — отец Мегги, главной героини. Он мельник и не очень сведущ в финансовых делах, да еще и обладает доброй душой: дает займы семье сестры, у которой шестеро детей, и не требует возврата долга. В итоге все вещи семьи Талливер, включая книги-раскраски и постельное белье, уходят с аукциона, родственники выкупают на нем лишь самое необходимое и возвращают семье. По каким-то причинам долговая тюрьма герою не угрожает (почему, из текста не ясно), и, казалось бы, о долгах можно забыть. Но вся семья думает не так. Миссис Талливер “с детства усвоила, что «обидеть людей насчет их денег» — смягченная форма понятия «не вернуть долг» — значит морально пригвоздить себя к позорному столбу”. Для нее аукцион был мукой, а мысль о том, что серебряный чайник с семейной монограммой будет использоваться в каком-нибудь трактире, и люди будут знать, чей он, невыносима.

Мистер Талливер становится наемным управляющим на своей бывшей мельнице, работает за скромную зарплату и откладывает гроши на возврат кредиторам. Его мучит мысль о том, что он может не успеть рассчитаться до самой смерти — слишком мало удается откладывать, даже экономя на всем. Его сын Том, который формально за долги отца не отвечает и не имеет экономических стимулов за него рассчитываться, тоже ищет возможность “снять позор банкротства с плеч отца”. Тому удастся заработать недостающую сумму, и наступает день расплаты с кредиторами. Старший Талливер умирает тем же вечером. Как будто что-то держало его на земле, пока долги не были выплачены.

Герой романа Шарлотты Бронте “Шерли” (1849) фабрикант — владелец ткацкой фабрики Роберт Мур, действие которого происходит в начале XIX века, — банкрот. Он просит любящую его девушку “забыть о недостойном, у которого единственная цель в жизни — склеить свое разбитое состояние и очистить свое имя от позорного пятна банкротства”. При этом романе есть все приметы того, что банкротство, если оно состоится, будет частным. Дело происходит в 1811–1812 годах, то есть во время Наполеоновских войн в Европе — рынки сбыта мертвы. А в Англии орудуют луддиты, которые дважды вывели из строя оборудование фабрики. Их поймали, судили и отправили на каторжные работы в Австралию, но кто-то из сочувствовавших им еще и стрелял в предпринимателя, тяжело его ранив, и тот выбыл из жизни на пару месяцев. К концу романа отношение Мура к банкротству меняется. Он говорит: “Раньше я думал, что банкротство — это позор. Теперь не так!” И даже собирается спасти остатки состояния и уехать в Штаты, где все начать с чистого листа. То есть раздумывает о том, как “кинуть” кредиторов, ведь все его имущество должно уйти с молотка для покрытия долгов. Однако завершается история благополучно: война заканчивается, сукна

распродаются “в один день”, и Мур, нашедший еще и свое личное счастье, никуда не эмигрирует.

Отношение к банкротам постепенно меняется. Законодательство о банкротстве превращается из инструмента наказания должника в инструмент возврата денег кредиторам, а затем и инструмент реабилитации должника. Соответственно, и слово “банкротство” перестает иметь оттенок “неприемлемое поведение” и становится простой констатацией финансового статуса. Это, конечно, хорошо, но только из литературы исчезают герои типа Бирото, Рафаэля или Талливера, которые считали себя обязанными погасить семейные долги любой ценой. Не вернуть деньги сегодня — не позорно. Отчасти это, наверное, связано с тем, что кредитор становится все более обезличенным: если раньше это были родственники, деловые партнеры или на худой конец ростовщики, то теперь это банк — огромный финансовый институт, который как-нибудь переживет.

А пока, в эпоху Бальзака, банкротство все еще позор. Рафаэль, литературный предок Дориана Грея, промотав немалые деньги и растратив исполняющую желания шагрень, наказан автором смертью в молодом возрасте, на пороге счастья с любимой женой. Бальзак уходит в мир иной вскоре после свадьбы с Эвелиной Ганской. “Вечный банкрот” признает в своем завещании долг перед ней в 130 тыс. франков, но, по оценкам биографов, это лишь треть взятого займа. Ганская по доброй воле принимает наследство писателя, то есть обязательство погасить долги, объясняя, что теперь она Эвелина де Бальзак. Почти все ее оставшееся состояние уходит кредиторам, однако обнищавшая чужестранка Парижу больше не интересна.